

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСАНДР ИРАКЛИЕВИЧ БАГРАТИОН И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ К РОССИИ

TSAREVICH ALEXANDER IRAKLIEVICH BAGRATION AND THE ANNEXATION OF GEORGIA TO RUSSIA

V. Lapin

Summary. The annexation of Georgia to Russia the 19th century was accompanied by the deportation of the tsar's Bagration family to Moscow and St. Petersburg. That was aimed to stop the internecine struggle and quell the resistance of feudal nobility. The son of the tsar Irakliy the 2nd Alexander (1770–1844) refused to accept this loss of Georgia's independence and became the leader of military opposition, referring to the inner Georgian pushback. He got the help from the khans of Dagestan and Persia. He was one of the main enemies for all Russian generals in Caucasus. His name was often mentioned in official documents and memoirs. He especially distinguished himself during Russian-Persian 1804–1813 and the Kakhetia rebellion 1812.

Keywords: Georgia, imperial history, colonial policy, national resistance.

Лапин Владимир Викентьевич

*Д.и.н., в.н.с., Санкт-Петербургский Институт
истории Российской Академии Наук
lapin.www@yandex.ru*

Аннотация. Присоединение Грузии к России в начале XIX века сопровождалось депортацией членов царской семьи Багратионов в Москву и Санкт-Петербург. Эта мера была направлена на прекращение междоусобной борьбы и на подавление сопротивления феодальной знати. Сын царя Ираклия II Александр (1770–1844) отказался признать утрату независимости Грузии и возглавил борьбу, опираясь на внутреннюю грузинскую оппозицию. Он получал помощь со стороны дагестанских ханов и Персии. Для всех российских главнокомандующих на Кавказе он был одним из главных противников, его имя часто упоминалось в официальных документах и воспоминаниях современников. Особо он отличился во время Русско-персидской войны 1804–1813 гг. и восстания в Кахетии в 1812 г.

Ключевые слова: Грузия, имперская история, колониальная политика, национальное сопротивление.

Грузинский царь Георгий XII в письме российскому императору Павлу I от 17 ноября 1800 г. свой рассказ о нашествии дагестанцев начал словами «Изменник отечеству и соизволению В.И.В. противник, брат мой Александр, советом матери своей и братьев и помощью Ибрагим-хана пошедши к Омар-хану, привел его с многочисленными Дагестанскими войсками для разорения Карталинии и Кахетии и для сопротивления воле В.И.В.» [1]. Так в образе злодея стал известен в Петербурге один из многочисленных членов грузинской царской семьи. Тогда еще никто не предполагал, что этот сын Ираклия II почти на полвека станет главным и очень активным противником присоединения Грузии к России. Царевич Александр Ираклиевич (1770–1844) уже в молодости приобрел реноме храброго воина и пользовался большим уважением в стране. При этом он сначала с настороженностью, а затем с все более возраставшей враждебностью относился к сближению России и Грузии. С 1799 г. до самой своей кончины он не прекращал борьбу с империей: во время столкновений Персии и России это выражалось в участиях в боевых операциях, во время мира — в поддержке всех, кто не оставлял надежды вернуть Грузии независимость. Он находил убежище и поддержку в Персии, Турции, в Дагестане и Чечне. После поражения Персии в войне 1826–1827 гг. царевич утратил значение значимой политической фигуры, хотя во время заговора грузинско-

го дворянства в 1832 г. ему предлагали встать во главе движения.

Дореволюционная историография всех противников России традиционно рисовала их черными красками, не отказывая при этом им в воинских талантах, поскольку тем самым не умаляла заслуги армии в одержанных победах. Позиция Советской историографии, твердо придерживавшейся тезиса о добровольном вхождении народов в состав России, четко выражена в монографии О.П. Марковой «Восстание в Кахетии. 1812 г.». В этой книге, опубликованной в 1951 году, была предпринята попытка: «...дать представление об Александре Багратионе, как о живом историческом лице, и устранить попытки к созданию образа национального героя» [2]. У постсоветских историков мятежный сын Ираклия II еще не стал предметом академического интереса.

Царевич состоял в переписке практически со всеми главнокомандующими на Кавказе, которые всеми силами старались его нейтрализовать, лишить грузинское сопротивление этого харизматичного лидера. В июне 1803 года он вступил в переписку с П.Д. Цициановым, ходатайствуя о приостановке депортации царицы Дарьи в Россию. Затем он заявил о своем намерении приехать в Тифлис при условии гарантии безопасности. Своими настойчивыми требованиями установить прямой кон-

такт с Александром I, царевич стремился увеличить собственный политический вес [3]. Генерал Н.Ф. Ртищев твердо полагал, что надо «его для общего блага и спокойствия здешнего края поймать или истребить» [4]. Поддержку ему оказываемую, генерал И.Ф. Паскевич в списке прегрешений джарских лезгин поставил в один ряд с отказом от уплаты налогов, с участием в набегах, с притеснением «порабощенных ими грузинских крестьян в свободном отправлении христианской веры; воспрещая им устраивать церкви и даже принимать к себе христианских исповедников» [5].

Одним из первых шагов А.П. Ермолова на Кавказе стало установление контактов с царевичем. Уже в ноябре 1816 г. они обменялись письмами. Главнокомандующий сообщил, что не видит препятствий для личной встречи в Тифлисе, но предупредил, что отказ от обещаний прекратить сопротивление, которые царевич ранее давал в письме самому царю, вызовет непременно кризис доверия. В это же время командующий войсками на Кавказской линии генерал И.П. Дельпоццо получил от своего непосредственного начальника совет «на грош не верить царевичу». Последний ответил Ермолову витиеватым письмом, уверяя, что он не отказывается от мыслей вернуться из Персии в Россию, что все прежние главнокомандующие строили ему в том препятствия [6]. 27 января 1817 года Ермолов написал Александру: «...если с наступлением весны не выедете для свидания с ним и начнете выдумывать какие-либо новые предлоги от исполнения вами обещания, данного Г[осударю] И[мператору], тогда я дам ему повеление прервать всякое отношение с вами, как с человеком лживым, не имеющим ни совести, ни доброй веры» [7]. Царевич ответил письмом вежливым по форме, но крайне дерзким по содержанию. По сути, он обвинил предшественников Ермолова в попытках его отравить, прозрачно намекая на то, что и словам главнокомандующего надо относиться с осторожностью, ибо прямые его подчиненные тоже пытаются его «известить». Ермолов сначала отвел довольно сдержанно, уверяя в подчеркнuto холодных фразах, что не питает ничего личного, а только желает чтобы Александр приехал и был прощен. Но обвинение в желании отравить царевича явно вывело прославленного генерала из себя. Он назвал жизнь царевича «постыдной и неприличной», добавив при этом «я нимало вас не уважаю и отнюдь не разумею вас опасным, а потому совершенно равнодушен, живы вы или нет... Прошу увериться, что жизни вашей я не полагаю ни в какую цену, и она в совершенной безопасности, как человека, которого поведение в молодости развратное, в совершенных летах бесчестное и постыдное, кроме презрения ничего не заслуживает» [8]. Гнев Ермолова понятен: в бумагах русского командования неоднократно встречаются рассуждения о возможных расходах на поимку или убийство мятежного царевича [9]. Главнокоманду-

ющий в 1818 г. указывал на исключительную важность демонстрации его живого или мертвого в Тифлисе «... дабы неблагонамеренные люди не могли, разглашая, что он жив, возмущать легковверных грузин» [10]. О значительности фигуры царевича Александра Ираклиевича говорит тот факт, что редкий мемуарист, вспоминавший о делах кавказских первой четверти XIX столетия, обходился без упоминания о нем. Генерал-майор Сергей Алексеевич Тучков (1769–1808) служил на Кавказе недолго с 1802 по 1805 год, но был очень информированным человеком, поскольку занимался не только военными, но и административными вопросами. В 1803 году ему фактически доверили управление Грузией. В своих записках он прямо указал, что после смерти императора Павла I закавказские дела «остались еще в большем замешательстве, ибо сыновья Ираклия Юлан и Александр, к которым присоединились некоторые князья и дворяне, ушли первый в Турцию, а другой в Персию. Они снискивали там лезгинские партии и делали набеги на Грузию» [11]. Испанский офицер Хуан Ван-Гален (1790–1864), служивший на Кавказе в 1818–1820 гг. в своих мемуарах «Два года в России», называл причиной конфликтов в Грузии интриги, «разжигаемые из Персии пресловутым Александром» [12].

Наибольшее влияние на события в Закавказье царевич Александр Ираклиевич оказал во время Русско-Персидской войны 1804–1813 гг. Он рассылал призывы к своим сторонникам, и борьба с его курьерами, перехват «возмутительных писем» был одним из важных способов проверки местного населения на лояльность. Перемещения царевича были важными сигналами для русского командования о намерениях персидской стороны. Персидский главнокомандующий доверил ему руководство отдельным корпусом. Наибольшим военным успехом Александра Ираклиевича следует считать победу в районе города Караклис в 1804 г. Российский корпус, осаждавший важную персидскую крепость Эривань, испытывал крайнюю нужду в провианте и был изолирован от Грузии. Для того, чтобы пробиться к Караклису и доставить оттуда необходимые припасы, генерал П.Д. Цицианов отправил майора Монтрезора, надеясь, что этот опытный офицер сумеет прорвать блокаду. Однако грузинский царевич, предвидевший такой ход событий, занял своими войсками все важнейшие дороги между Эриванью и Тифлисом. Он уже имел печальный опыт столкновения с русской пехотой и потому применил тактику изматывания противника. Солдаты Монтрезора в течение суток отбивали налеты конницы, но, когда у них кончились боеприпасы, персы смогли смять их ряды, используя подавляющее численное преимущество. Голод в осадном корпусе заставил Цицианова уйти от Эривани. Более того, известие, что персидская крепость устояла, произвело на Кавказе «невыгодно впечатление» для русских. Вспыхнули восстания в рай-

онах, прилегающих к Военно-Грузинской дороге и в так называемых мусульманских провинциях (Бамбак, Казах, Борчалы) [13].

Особо возросла роль царевича в ходе Кахетинского восстания 1812 г. Это народное движение было порождено сдвигами в социально-политической жизни Грузии в первом десятилетии XIX в. Восточные районы страны несли разорительные повинности в пользу армии, поскольку оказались ее тылом. Интенданты нередко применяли грубую силу, забирали зерно и сено, выплачивая мизерную денежную компенсацию. Тяжелым бременем оказалась подводная и дорожная повинности.

Наибольшее недовольство всех слоев населения Грузии вызывало бесцеремонное отношение военнослужащих к «чести и достоинству» местных жителей, которое было сопряжено с постоянной повинностью, когда солдаты и офицеры жили в домах обывателей. Источники всех видов сообщают, что даже в мирное время военные не церемонились с соотечественниками, и, тем более, с иностранцами, а на территории самой империи с «инородцами» и «азиятцами». Князь Г. Чавчавадзе писал в своих мемуарах: «Жестокое самоуправство некоторых полков по смерти князя Цицианова доводило до крайнего разорения жителей не только тех деревень, в коих те полки были расположены, но и окрестных, жители которых также не были уверены, что располагают какой-либо собственностью. Домашние птицы, вина, огороды, лошади, подводы, все их имущество находилось в полном распоряжении солдат; заборы от виноградников обыкновенно употреблялись на топку казарм; и все это делалось явно, без всякого воспреещения, без взыскания и жалоб со стороны хозяев, которые в ответ ничего не могли ожидать кроме угроз и наказаний. Многие дворяне, избегая притеснений, а еще более личных обид, оставили свои имения и удалились в Персию к царевичу Александру».

В конце января 1812 г. в окрестностях города Телави крестьяне отказались давать хлеб, а затем прогнали отряд, высланный для «экзекуции». Попытка усилить давление привела к массовому выступлению, два полка, захваченные врасплох, были полностью разгромлены.

Командование не могло бросить против повстанцев значительные силы, поскольку на персидском фронте на счету был каждый солдат. Кроме Давида в числе соратников Александра Ираклиевича оказался царевич Григорий Иоаннович, внук Ираклия II, который сумел даже создать угрозу свободе движения по Военно-Грузинской дороге.

Восстание, пошедшее было летом на убыль, осенью вспыхнуло с новой силой. На Кавказ пришли известия

о вторжении Наполеона Бонапарта, о сожжении Москвы. Все это привело к тому, что осенью восстание разгорелось с новой силой. Если на первых порах главной его движущей силой были крестьяне, то осенью против властей выступили многие дворяне. За оружие взялись многие дворяне. Одни сделали это добровольно, другие опасались репрессий со стороны царевича, располагавшего преданными ему отрядами. Большую помощь ему оказало ополчение из горных районов (пшавы и хевсурцы), которое было не многочисленным, но отличавшимся высокой боеспособностью.

26 ноября у села Манави состоялось сражение, которое в официальных рапортах выглядело решительной победой над сторонниками царевича Александра. Сопротивление кахетинцев стало заметно угасать. Участники восстания, надеявшиеся на милость царя, разошлись по домам. Те, кто не смирился и решил продолжать борьбу, а также те, кто страшился сурового наказания, покинули Грузию.

После поражения при Манави царевич, преследуемый отрядами правительственных войск, укрылся в высокогорных районах долины Арагвы, населенных хевсурами. «Сии хевсурцы почти все идолопоклонники, самый воинственный здесь народ и такой, коего одна часть хотя называется зависимой от Грузии, но разве только потому только, что они с нею имеют сообщения и получают отсель все свои жизненные потребности, что иногда заставляет их быть послушными; другая же часть, вышедшая из границ Грузии, совсем не признает своей от нас зависимости» [14], — писали о них в Петербургские чиновники. Тамошние жители действительно во все времена подчинялись власти ровно в той мере, в какой это соответствовало их воле и пожеланиям.

Но в 1813 г. отряд русских войск сумел пробиться в район Шатили — главного поселения хевсуров и нанести им сокрушительное поражение.

Царевич был очень известен в Закавказье. В мае 1813 года в Цхинвали была арестована крестьянка, которая рассказывала в церкви о явлении ей во сне Святого Георгия, возвестившего ей, что скоро явится царевич Александр, все русские будут вырезаны, а оставшиеся в живых уйдут в Россию [15]. 1 июля 1813 года царь Имеретии Соломон II, еще не зная о победах русских войск, обратился с письмом к горским народам «арагвцам, тушинцам, хевсурцам и пшавцам с благодарностью за участие в борьбе «за усердие к дому Багратионов». Он сообщал, что они с царевичем Александром прибыли в Грузию с «несчетным войском» [16].

Этот царевич отличался от многих других противников России своей негибкой волей. Испытывая раз

за разом сокрушительные поражения, он не прекращал борьбу, вновь добивался доверия старых соратников и вербовал новых. Так, после подавления восстания в Кахети, даже хевсуры, его самые преданные союзники «...запретили ему вход к себе, грозя в противном случае захватить его и выдать российскому правительству. Чеченцы, к которым он намеревался прибегнуть к покровительству, услыша приближение российских войск к местам ими обитаемым с неожиданной ими стороны (с юга — через Панкисское ущелье — ВЛ.) вовсе отказались его принять; большая часть дагестанских обществ даже не впустили его в свои селения и в одном из них, ограбив его совершенно, отпустили с одной лошадью; одно только общество вольных дагестанцев дало ему пристанище, у коих он теперь находится в крайней нужде» [17].

Однако уже через два года у него опять были верные соратники внутри Грузии и доверие со стороны персов. Царевич отличался храбростью и предприимчивостью. В августе 1818 года место, где он укрывался в Дагестане, было охвачено кольцом пехотных и казачьих кордонов, которое неумолимо сжималось. Опасность исходила и от многих местных жителей, способных соблазниться огромной денежной наградой за поимку или убийство Александра Ираклиевича. Чтобы достичь спасительной персидской границы, тот сделал фантастический по дерзости ход: поехал белым днем по большой дороге прямо через штаб-квартиру казачьего полка в селении Демучурсалы, «...даже в иных местах разговаривая с караульными казаками». Его путь пролегал между домом и огородом полкового командира Табунщикова, «...в виду казаков, на него смотрящих и забавлявшихся песнями». Точно так же, не торопясь и не возбуждая подозрений, он проследовал через пограничный пост, «ввиду самого постового начальника переправился через речку, и люди из свиты его разговаривали с казаками» [18].

В период Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг. и Русско-персидской войны 1826–1827 гг. имя мятежного царевича вновь замелькало на страницах военных и дипломатических документов. Главнокомандующий на Кавказе И.Ф. Паскевич написал министру иностранных дел К.В. Нессельроде 10 июля 1828 г. о том, что, когда была взята турецкая крепость Карс, в штабных бумагах оказалось много документов, проливавших свет на планы турецких военных. Среди прочего Паскевич узнал, что турки собирались «учинить нападение на Имеретию. Для сего назначаемы были грузинский царевич Александр, которого сераскир хотел отправить в Ахалцых, беглый имеретинский царевич Вахтанг, находящийся сейчас в том же городе и кобулетский губернатор со значительными силами. Возмутив Имеретию, они должны были завладеть приморскими нашими укреплениями и таким образом лишить Закавказские наши провинции

всякого способа снабжения посредством Черного моря» [19].

Александр Ираклиевич обладал незаурядными организационными способностями и несомненным даром полководца. В химии есть такое понятие катализатор — вещество, ускоряющее процесс реакции, но не расходующийся во время ее. Царевич как раз выполнял роль такого катализатора, оживляя своим появлением активность всех сторонников восстановления на троне династии Багратионов. Со своей стороны, этот знатный эмигрант черпал энергию из сообщений о том, что он имеет в Грузии множество сторонников.

Такая стратегия — пребывание за границей, попытки с помощью заинтересованных соседей добиться улучшения своей позиции в династических спорах не такое уж и редкое явление в истории. В силу разных причин благостный переход трона по схеме «от отца к старшему сыну» вовсе не такое обязательное действие. В самой Грузии мы видим массу случаев, когда эта схема нарушалась, в том числе и с участием России (прямым или косвенным). В Гурии князь Вахтанг Гуриели, внук Георгия I, не смирился с тем, что правительство России сочло кандидатуру его племянника Мамии Семеновича Гуриели более подходящей на роль правителя княжества.

Но, несмотря на значительную внутреннюю поддержку и выдающиеся личные качества, царевич Александр Ираклиевич как борец за восстановление независимой Грузии под скипетром династии Багратионов, был обречен на поражение.

Во-первых, его тылом были Персия и Дагестан, которые не могли соперничать с Россией по военному потенциалу. Даже располагая ничтожными силами во время войны 1804–1813 гг. царские войска одержали над войсками шаха убедительную победу, которая позволила империи значительно продвинуть свои границы в Закавказье. Следующая война 1826–1828 гг. поставила точку в попытках Ирана совершить реванш и вернуть былые позиции в этом регионе. Горцы Дагестана могли укрыть эмигранта, симпатизируя ему как харизматичной личности, могли прислать вспомогательные отряды в случае его похода на Тифлис. Но этих сил было совершенно недостаточно, чтобы изгнать русских, тем более, что к «лезгинам», веками грабившим пограничные села, у грузин было враждебное отношение.

Во-вторых, Александр Ираклиевич претендовал на корону своего отца — царя Грузии, т.е. Картли-Кахети, политический ландшафт вокруг которой стремительно менялся. За три десятилетия после манифеста Александра I от 12 сентября 1801 г. утратили независимость Имеретия, Гурия и Мингрелия, исчезло

с политической карты Гянджинские ханство, ставшее Елисаветпольской губернией. Турция, потрясенная поражениями в Причерноморье, провела переоценку своих возможностей на пространстве между Черным и Каспийским морем. Движение по Военно-грузинской дороге, связывающей Россию и Закавказье, с каждым годом все более превращалось в транспортное сообщение и все менее походило на опасную и трудную экспедицию. В случае успешного осуществления заговора 1832 года (что было совершенно нереально!) царевич превратился бы в главу государства, представлявшего собой остров, окруженный со всех сторон российскими владениями. И на этот остров по долине Терека с севера хлынул бы поток солдат, сметающий все на своем пути.

В-третьих, Александру Ираклиевичу не по силам было преодолеть наследие феодальной дробности тамошнего общества и династических неурядиц. Царевич не был общегрузинским лидером, поскольку тогда

не было единой Грузии, а были отдельные царства и княжества, отношения которых никак нельзя было назвать добрососедскими. В Картли-Кахетии жило немало князей и дворян, туживших об утраченной независимости, но опасавшихся последствий прихода к власти тех семей, которые «возвысились» бы при его воцарении. А передел власти и, соответственно, вполне материальных ценностей в такой ситуации был неизбежен.

Наконец, с каждым годом уменьшалось число действительных и потенциальных сторонников восставления независимости Грузии. Дворянство оценило новые экономические возможности, перспективы гражданской и особенно военной службы. Все население почувствовало «благодетельное воздействие» повышения безопасности жизни и имущества. Социальные межнациональные конфликты не были ликвидированы, но не принимали такой остроты, когда они требовали появления вождя, способного возглавить открытое сопротивление власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты собранные Кавказской археографической комиссией (далее –АКАК). Т. I. С. 178
2. Маркова О. П. Восстание в Кахетии. 1812 г. М. 1951. С. 186
3. Дубровин Н. Ф. Закавказье от 1803–1806 года. СПб. 1866. С. 205–206
4. АКАК. Т. V. С. 465
5. Проект прокламации Паскевича к Джарскому и Белоканскому обществу от 25 февраля 1830 г. // АКАК. Т. 7. С. 440
6. АКАК Т. VI. Ч. 1. С. 281–282
7. АКАК. Т. VI. Ч. 1. С. 284–285
8. АКАК. Т. VI. Ч. 1. С. 287
9. АКАК. Т. VI. Ч. 1. С. 304–306
10. АКАК. Т. VI. Ч. 1. С. 302
11. Тучков С. А. Записки 1766–1808 // Кавказская война: истоки и начало. 1770–182- годы. СПб. 2002. С. 254
12. Хуан Ван-Гален. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб. 2002. С. 388
13. Дубровин Н. Ф. Закавказье от 1803–1806 года. СПб. 1866. С. 299, 339–340, 361
14. АКАК. Т. V. С. 464
15. АКАК. Т. V. С. 943
16. АКАК. Т. V. С. 470
17. АКАК. Т. V. С. 536–537
18. АКАК Т. VI. Ч. 1. С. 300
19. АКАК. Т. 7. С. 753

© Лапин Владимир Викентьевич (lapin.vv@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»